Ю.В. КОТОВА
(Ульяновск)

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОПТИМИЗМА/ПЕССИМИЗМА В СВЕТЕ «ЛОКУСА КОНТРОЛЯ»

Выявляются наиболее важные особенности языкового выражения оптимизма и пессимизма в свете известной теории «локуса контроля». Обосновывается методика определения оптимистичного/пессимистичного характера высказывания.

Ключевые слова: *оптимизм, пессимизм, персонализация, локус контроля, глаголы.*

Проблема определения степени выраженности оптимизма и пессимизма в тех или иных высказываниях является одной из наиболее актуальных проблем современной психологии (см. М.Э.П. Зелигман, К. Петерсон, М. Шайер и др.). В то же время некоторые аспекты оптимистичного и пессимистичного стилей объяснения успеха и неудач являются более трудными для анализа, нежели другие аспекты [2, с. 81; 9, с. 50]. Попытаемся обозначить наиболее важные особенности языкового выражения оптимизма/пессимизма в свете известной теории «локуса контроля».

Напомним, что, изучая склонность своих пациентов к оптимизму/пессимизму, американский психолог М.Э.П. Зелигман пришел к выводу о том, что обычные слова, которые использует человек в повседневной жизни для описания негативной или позитивной ситуации, очень многое могут сказать о его предрасположенности к оптимистичному/пессимистичному мировосприятию. Ученый ввел понятие некоего стиля объяснения (explanatory style), который коренится непосредственно в представлениях человека о его месте в этом мире, в его оценке происходящих с ним событий. Именно этот стиль объяснения позитивных и негативных событий и является критерием оптимизма и пессимизма [2, с. 72; 9, с. 44].

Зелигман, опираясь на исследования другого психолога Б. Вайнера, выделяет три основных параметра стиля объяснения – параметры постоянства (permanence), широты (pervasiveness) и персонализации (personalization). В каждом параметре можно выделить свои языковые показатели, указывающие на временный или постоянный характер действия (параметр постоянства), на его конкретность или универсальность (параметр широты), на внутренний или внешний подход говорящего (параметр персонализации).

Вкратце обозначим основные отличия оптимистов от пессимистов по параметрам (аспектам) *постоянство* и *широта*.

Параметр *постоянство*. Оптимист хорошие известия или события воспринимает как имеющие постоянный характер (*Мне везет всегда*), тогда как пессимист считает их преходящими или случайными (*Мне сегодня повезло*). Соответственно, оптимист воспринимает плохие известия или события как преходящие или случайные (*Сегодня мне не повезло*), а пессимист – как носящие постоянный характер (*Мне никогда не везет*).

Параметр *широта*. Оптимист полагает, что хорошие события имеют повсеместный, универсальный характер (*Мне везет во всем*), тогда как пессимист воспринимает такие события как конкретные (*Мне везет только в картах*). Соответственно, оптимист воспринимает плохие события как конкретные (*Мне не везет только в картах*), а пессимист – как носящие универсальный характер (*Мне ни в чем не везет*).

Наиболее сложным для интерпретации является аспект персонализации, связанный с ориентацией говорящего на свой внутренний или внешний мир. По словам Зелигмана, когда происходят неприятности, мы можем обвинять в них либо себя (внутренний подход, пессимистичный), либо других людей и обстоятельства (внешний подход, оптимистичный) [2, с. 80–82; 9, с. 49–50]. В то же время, если речь идет о позитивных событиях и человек «присваивает все заслуги» себе, то мы имеем дело с проявлением оптимизма; если человек уверен, что источником его везения послужили внешние обстоятельства, то, вероятнее всего, он – пессимист.

Как отмечает М. Зелигман, персонализация – это тот параметр, который является самым доступным для понимания. Вместе с

© Котова Ю.В., 2013

тем это и тот критерий, относительно которого можно легко ошибиться, поскольку персонализация характеризует лишь то, что человек *чувствует* относительно себя самого, в то время как параметры *постоянство* и *широта* описывают, что человек *делает*, насколько беспомощным он себя чувствует и в каком количестве ситуаций [2, с. 81–82; 9, с. 50].

Нам представляется, что существенным дополнением в интерпретацию аспекта персонализации явится учет известной теории Дж. Роттера об интернальном или экстернальном локусе контроля [5; 7; 8]. Само понятие локуса контроля характеризует свойство личности приписывать успехи или неудачи либо себе (внутренний подход), либо обстоятельствам, удаче/неудаче, судьбе и другим людям (внешний подход). Таким образом, можно говорить о двух типах людей:

1) экстерналы – люди, полагающие, что все происходящие в их жизни события являются результатом влияния внешних сил, судьбы, случая, других людей, т.е. не принимающие активного участия в построении собственной личной жизни и карьеры;

2) интерналы – люди, уверенные в том, что источником позитивных или негативных событий являются они сами, их действия, берущие на себя ответственность за свою жизнь; с одной стороны, они считают, что сами добились высоких результатов в своей жизни, с другой – винят себя во всех неудачах и неприятностях.

В итоге, несмотря даже на склонность к самобичеванию, интерналы чаще всего являются победителями, а экстерналы – побежденными [5].

Развитие теории локуса контроля привело к возникновению понятия об оптимальном локусе контроля («хорошем интернальном контроле») [4]. Оптимальным является внутренне-внешний локус контроля, который предполагает экстернальность в области причин неудач и интернальность в области преодоления неудач.

И локус контроля, предложенный Дж. Роттером, и параметр *персонализация,* выделенный М. Зелигманом, по сути, связаны с одним и тем же представлением о том, что существуют внешний (экстернальный) и внутренний (интернальный) подходы к жизни и происходящим в ней событиям.

Конечно, оптимизм приносит человеку немалую пользу, однако, как отмечает Зелигман, «нам нужен не слепой, а гибкий оптимизм – оптимизм с открытыми глазами» [2, с. 426]. В связи с темой оптимального локуса контроля можно констатировать возможность оптимального (реалистичного) и неоптимального (нереалистичного, «слепого») оптимизма. К оптимальному (гибкому) оптимизму должны относиться высказывания, соответствующие оптимальному локусу контроля, тогда как неоптимальный оптимизм связывается с отсутствием именно такого локуса контроля (человек перекладывает всю ответственность за проблемы и их решение на других). Например, к оптимальному оптимизму будем относить такие высказывания, как *Я всегда сам добиваюсь успеха; Ты допустил ошибки в нашей совместной работе, но я могу решить эту проблему.* К неоптимальному оптимизму можно отнести высказывание *Ты допустил ошибки в нашей совместной работе и можешь решить эту проблему.*

Что касается пессимизма, то здесь все обстоит следующим образом. Человек либо считает, что все происходящие в его жизни хорошие события никак не связаны с его личными действиями, а являются результатом действий окружающих (экстернальность в области удач), либо склонен обвинять себя во всех неудачах и их причинах (интернальность в области причин неудач и экстернальность в области преодоления неудач). В качестве примеров приведем следующие высказывания: *Мне часто везет в жизни* (экстернальность в области удач); *Я сделал ошибку, но ты поможешь решить эту проблему* (интернальность в области причин неудач и экстернальность в области преодоления неудач).

С точки зрения лингвистики ярким показателем того, несет ли человек ответственность за происходящее, является употребление в высказывании пассивной или активной конструкции. Пассивные грамматические конструкции, страдательный залог, выраженный страдательным причастием или при помощи постфикса *-ся* (в русском языке), используются в том случае, когда говорящий не является активным участником процесса, следовательно, не несет ответственность за совершаемые действия [1; 3; 6, с. 66]. Если используются личное местоимение *я* в именительном падеже, активный залог, говорящий принимает активное участие в той или иной ситуации, а значит, несет за нее ответственность.

Необходимо обратить внимание на несколько важных моментов, которые были упомянуты ранее. Интернальность связана с *активностью* индивида, его действием, экстернальность – с *пассивностью*, бездействием [5,

с. 378]. С точки зрения языка, казалось бы, все просто: там, где в высказывании используется активный залог, мы имеем дело с активностью человека (интернальность), а там, где употреблен пассивный залог, речь идет о пассивности человека (экстернальность). Однако, как показывает практика, вопрос об активности не столь однозначен. Использование активного залога далеко не всегда говорит об активности, деятельности говорящего. В языке можно и нужно выделять две группы глаголов: глаголы *действия* (dynamic verbs) и глаголы *состояния* (stative verbs). С первыми все вполне ясно, например: *Я играю в теннис*; *Я бегаю по утрам.* Оба глагола *играть* и *бегать* обозначают совершаемое индивидом действие. Однако есть также и глаголы состояния, которые можно разделить на несколько групп: глаголы физического восприятия (*видеть, слышать, чувствовать*); умственного состояния (*полагать, забывать, знать*); выражающие эмоции (*любить, ненавидеть, бояться*); обозначающие владение, обладание чем-либо (*иметь, владеть*), а также некоторые глаголы типа *казаться, существовать, быть*.

Разделение глаголов на глаголы действия и состояния позволяет сделать вывод о том, что использование активной формы глагола в высказывании совсем не обязательно говорит об активной деятельности индивида. При определении параметра персонализации, экстернальности/интернальности и, как следствие, оптимистичности/пессимистичности высказывания необходимо обращать внимание не только на активный залог, но также и на то, какой глагол используется: действия или состояния, например: (1) *Я – неудачник (= Я есть неудачник); (2) Я делаю неудачные фотографии.* Несомненно, по своему характеру оба высказывания негативны. Однако в аспекте параметра *персонализация* они не равны. Хотя в обоих случаях используется активная конструкция с *я*, в первом случае подразумевается глагол состояния *быть,* а во втором примере используется глагол действия *делать*.

Получается так, что, говоря *Я – неудачник*, человек снимает с себя ответственность за все, что с ним происходит. Следовательно, высказывание (1), будучи не связанным с активным действием, несмотря на свой негативный характер, по параметру персонализации является оптимистичным, но в целом – все-таки пессимистичным: *–1* по параметру постоянства, *–1* по параметру широты, *+1* по параметру персонализации; таким образом, высказывание *Я – неудачник* демонстрирует умеренный пессимизм (–1).

В тех же случаях, когда человек говорит *Я делаю неудачные фотографии*, он берет на себя ответственность за свои действия. Следовательно, высказывание (2), будучи связанным с активным действием, по параметру персонализации является пессимистичным и в целом – тоже пессимистичным: *–1* по параметру постоянства, *+1* по параметру широты (*Я делаю неудачные только фотографии, но далеко не все, что я делаю, я делаю неудачно*), *–1* по параметру персонализации; таким образом, высказывание *Я делаю неудачные фотографии* тоже демонстрирует умеренный пессимизм (–1).

Как видим, хотя в целом оба высказывания являются умеренно пессимистичными, тем не менее внутренняя содержательность обоих высказываний неодинакова. Несмотря на одинаковую общую оценку двух высказываний как умеренно пессимистичных (–1), второе по счету высказывание (*Я делаю неудачные фотографии*) следует признать более честным и реалистичным.

Последовательное разграничение статического (*Я – неудачник*) и динамического аспектов высказывания (*Я делаю неудачные фотографии*) позволяет лучше и на формальных основаниях обосновать понятия гибкого и реалистичного оптимизма и пессимизма. Примером гибкого и реалистичного пессимизма будут высказывания типа *Я делаю неудачные фотографии*; примером негибкого пессимизма – высказывания типа *Я – неудачник*. Примером гибкого и реалистичного оптимизма будут высказывания типа *Я делаю все более удачные фотографии*; примером негибкого оптимизма – высказывания типа *Я – счастливчик*.

В работах по позитивной психологии М.Э.П. Зелигмана имплицитно содержится (специально не оговаривается) мысль о том, что анализу – с точки зрения оптимизма / пессимизма – подлежат оценочные высказывания. В одной из наших статей достаточно подробно рассмотрены лингвистические аспекты использования методики, позволяющей объективно и именно с лингвистической точки зрения оценить степень оптимизма/пессимизма того или иного высказывания [3, с. 91–94].

Важно подчеркнуть, что в наиболее ярком виде оптимизм/пессимизм личности проявляется в высказываниях, ориентированных на самого говорящего. Получается, что далеко не все высказывания индивида можно рас-

сматривать в плане их оптимизма или пессимизма. Особую значимость приобретают *оценка* (позитивная и негативная) и *оценочные высказывания*.

Таким образом, для того чтобы наиболее точно определить, носит ли конкретное высказывание оптимистичный или пессимистичный характер, необходимо рассматривать все его характеристики: наличие/отсутствие оценочности (позитивность/негативность), а затем три параметра (постоянство, широта, персонализация) в совокупности [1; 3].

Поскольку далеко не в каждом оценочном высказывании присутствуют все параметры, считаем возможным говорить о существовании высказываний с полным и неполным выражением оптимизма/пессимизма. К первому типу будем относить высказывания, в которых присутствуют все три параметра (постоянство, широта, персонализация), ко второму – те высказывания, в которых один из названных аспектов отсутствует. В таком случае отсутствующий параметр (например, отсутствующая персонализация) должен оцениваться «нулем» (0), а при общем подсчете должны учитываться только материально (в более сложных случаях – контекстуально) выраженные параметры.

Сказанным и завершим рассмотрение языкового выражения оптимизма/пессимизма в свете «локуса контроля».

Литература

1. Байшева С.А. Языковое и речевое выражение оптимизма и пессимизма в дневниках Л.Н. Толстого (1853, 1910 годы) // Язык и мышление: психологический и лингвистический аспекты : материалы 5-й Всерос. науч. конф. (Пенза, 11–14 мая 2005 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.; Пенза : Ин-т языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г. Белинского; Адм. г. Пензы, 2005. С. 146–151.
2. Зелигман М.Э.П. Как научиться оптимизму: советы на каждый день. М. : Вече, 1997.
3. Котова Ю.В. Языковые аспекты классификации оптимистичных / пессимистичных высказываний // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 70. № 28 (282). С. 91–94.
4. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб. : Питер, 2000.
5. Столяренко Л.Д. Основы психологии. Ростов н/Д. : Феникс, 2000.
6. Lakoff G. Women, fire and dangerous things. Chicago : The University of Chicago Press, 1990.
7. Neill J. What is Locus of Control? URL : http://www.wilderdom.com/psychology/loc/LocusOfControlWhatIs.html (дата обращения: 9.01.2013).
8. Rotter J. B. Internal Versus External Control of Reinforcement. A Case History of a Variable // American Psychologist. 1990. Vol. 45. No. 4. P. 489–493.
9. Seligman M.E.P. Learned optimism. N. Y. : A Division of Random House, Inc., 2006.

Linguistic expression of optimism/ pessimism in the light of "locus of control"

There are found out the most important peculiarities of linguistic expression of optimism and pessimism in the light of a famous theory of "locus of control". There is substantiated the methodology of determination of optimistic/pessimistic character of expression.

Key words: *optimism, pessimism, personalization, locus of control, verbs.*

Е.В. ДОБРОНИЧЕНКО
(Волгоград)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ РИТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ

Рассматриваются часто смешиваемые понятия «ритуал», «обряд», «обычай», «церемония», «традиция» и определяются их функционально-семантические границы.

Ключевые слова: *ритуал, обряд, церемония, обычай, традиция.*

В обыденном понимании некоторых людей ритуалы банальны и бессмысленны, поскольку являются никому не нужными пережитками прошлого. Однако, на наш взгляд, ритуал чрезвычайно важен и в современном мире, он присутствует в жизни человеческого общества с древнейших времен до сегодняшнего дня, получая все большее распространение [7; 9; 12 и др.]. Традиционно сфера ритуального бытия ограничивалась религией и народной обрядовой культурой. Однако очень

© Доброниченко Е.В., 2013